

Илья Шнейдер знаком читателям «Вечернего Ростова» по целому ряду публикаций о его встречах и общении с интересными людьми, увидевших свет на страницах нашей газеты. Предлагаемый отрывок из готовящейся книги его воспоминаний также печатается впервые.

УПРАВЛЯЮЩИМ московской конторы императорских театров был Н. К. фон-Боол. Это был странно раздвоившийся человек: вне стен министерства двора и конторы императорских театров он был страстным любителем живописи и неплохим портретистом, на службе же сухой чиновник, педант с непоколебимым спокойствием, аристократическими манерами и ледяной вежливостью. В общем же, подобно некрасовскому «Чинчику».

Как человек разумной середины, Он многого в сей жизни не желал...

Естественно, что у Шалаяпина, часто конфликтовавшего с подобными людьми на почве своей художественной непримиримости в искусстве, возникли трения и с фон-Боолем. Во время репетиции на сцене Большого театра Шалаяпин как-то остановил оркестр, не соглашаясь с трактовкой дирижера, и, вспыхнув, бросил репетировать. Срочно вызвали фон-Бооля, который прошествовал на сцену своей неторопливой, исполненной подчеркнутых достоинств походкой. Шалаяпин бросился ему навстречу и горячо стал сетовать на недопонимание, рутину и низкую культуру оперных спектаклей.

Фон-Боол, безучастно выслушав Шалаяпина, холодно отказал ему в удовлетворении его требований. И также чопорно, с видом бездушного маинена, удалился.

Шалаяпин какое-то мгновение оторопел, продолжал стоять на месте. Потом вдруг гневно побагровел, бушевавший в нем вулкан вдруг прорвался, он ринулся, сжав кулаки, вслед фон-Боолу и затрепетал чуть не на весь театр:

— Я тебе так дам, что весь фон отшибу! Одна бо-оль останется!

Управляющий, до которого не могла не довестись эта тирада, считавший за лучшее сделать вид, что ничего не слышал и, ускорив шаг, исчез из виду.

Острые слова Шалаяпина облетели тогда Москву и занимали всех до нового, очередного «шалаяпинского» взрыва, как и любой предыдущий и последующий, как правило, имевшего все те же причины.

Резкость артиста в таких ситуациях и с людьми подобного сорта была общеизвестна. В то же время сколько внимания, тепла и участия проявлял Шалаяпин к «маленьким» людям и к товарищам по работе!

В труппе Большого театра 15 лет служил хористом тенор Г. Е. Тилес, что давало ему право, как артисту императорских театров, проживать в Москве, несмотря на его еврейскую национальность. Однако эта привилегия не распространялась на маленького сына Тилеса и он по царскому «закону» подлежал выселению за печально знаменитую «четвертую оседлость». Товарищи Тилес из хора обратились с ходатайством к московскому генерал-губернатору, прося принять мальчика в коммерческое училище «имени цесаревича Алексея», что спасало от выселения

Илья ШНЕЙДЕР.

О ШАЛАЯПИНЕ

Наши публикации

до окончания этого учебного заведения. Но стоило только юноше Тилесу допустить роковую неосторожность и перейти в другое училище, как тотчас на квартиру Тилеса явился полицейский околочный надзиратель, предъявивший постановление о немедленной высылке мальчика из Москвы.

Узнав об этом, коллектив хора Большого театра пришел в волнение. Стихийно возникло «общее собрание», которых никогда вообще не бывало и на котором был избран уполномоченным артист А. И. Савицкий (впоследствии заслуженный артист республики). Ему поручили хлопоты о сыне общего товарища.

Обо всем этом узнал Шалаяпин и вызвался хлопотать о мальчике вместе с Савицким. Он выехал в Петербург, добился приема у вершительницы судеб «Российской империи» — «вдовствующей» императрицы Марии Федоровны и получил так разрешение для сына Тилеса проживать в Москве.

Этот мальчик, с которым я тогда вместе учился и поэтому хорошо знал всю эту историю, стал впоследствии популярным композитором и исполнителем песенок под собственным ак-

компанемент И. Г. Ильсаровым, а затем хорошо известным конструктором и изобретателем электронного микро-рояля.

Между прочим, Ильсаров рассказывал мне, как в 1905 году, перед московским вооруженным восстанием, он подростком часто пробирался на собрания в памятном по декабрьским дням реальном училище Фидлера, здание которого в дни восстания было разбито орудийными снарядами. Мунк сестры Ильсарова — Юрий Исаков был председателем стачечного комитета железнодорожников. На этих собраниях Ильсаров видел и Ухтомского, а однажды там был устроен концерт, в котором выступал Шалаяпин. Ильсаров рассказывал, как после концерта Шалаяпин спустился в зал в сопровождении юриста Сталь и, держа в руках чью-то фуражку, обходя ряды, собирав средства на покупку оружия революционерам.

Я лично слышал Шалаяпина много раз и в опере, и на концертах, но никогда не забуду его в редко ставившейся опере Массне «Дон-Кихот». Широкая, плотная, богатырская фигура Шалаяпина вдруг вытянулась, удлинчилась, стала необычайно худой, тонкой и тощей, и не только фигура, но и лицо! Никогда не забыть мне последней картины оперы — смерти рыцаря, когда он умирает, стоя под широкими ветвями дуба, за которые он держится слабыми руками...

Не изгладится в памяти и последний концерт Шалаяпина в Москве, когда он выступал в последний раз в жизни на Родине. Может быть, Шалаяпин чувствовал это, может, и знал,

но на этот раз гениальный артист поднимался до таких высот в своем исполнении, что Айседора Дункан, сидевшая в партере и слушавшая Шалаяпина в концерте впервые, поднялась после «Блохи» со своего места бледная и потрясенная и молча, методически, не спуская с раскланивавшегося Шалаяпина глаз, с силой била ладонью о ладонь. Потом, опустившись в кресло, сказала:

— Это дьявол...

Но она не знала русского языка, не могла знать и вышедшей лишь в следующем, 1922 году книги В. А. Поссе, где он приводит выдержку из письма А. М. Горького о Шалаяпине:

«И вот — «Блоха»! Вышел к рампе огромный парень, во фраке, перчатках, с грубым лицом и маленькими глазами. Помолчал. И вдруг улыбнулся и — ей богу! — стал дьяволом во фраке. Запел негромко так: «Жил-был король когда-то, при нем блоха жила...» Спел куплет и до ужаса тихо захохотал: «Блоха! Ха, ха, ха!» Потом властно — королевски властно! — крикнул портному: «Послушай, ты! Чурбан!» и снова засмеялся, дьявол: «Блохе — кафтан? Ха-ха! Кафтан? Блохе? а-ха!»...

После своего последнего концерта в Москве Шалаяпин вскоре уехал за границу и 16 лет метался с гастролями по всему земному шару, «угождая богу злата» и растрачивая силы. В период этих странствований с Шалаяпиным произошел в 1926 году характерный для него эпизод.

(Окончание следует).

ВЕЧЕРНИЙ РОСТОВ

4 февраля 1967 г. 3 стр.

«ВЕЧЕРНИЙ РОСТОВ»
Ростов/Дон